

Б.В. Соколов

Иешуа Га-Ноцри

Персонаж романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», восходящий к Иисусу Христу Евангелий. Имя «Иешуа Га-Ноцри» Булгаков встретил в пьесе Сергея Чевкина «Иешуа Ганоцри. Беспристрастное открытие истины» (1922), а затем проверил его по трудам историков. В булгаковском архиве сохранились выписки из книги немецкого философа А. Древе «Миф о Христе», переведенной на русский в 1924, где утверждалось, что по-древнееврейски слово «нацар», или «нацер», означает «отрасль» или «ветвь», а «Иешуа» или «Иошуа» — «помощь Ягве» или «помощь божию». Правда, в другой своей работе, «Отрицание историчности Иисуса в прошлом и настоящем», появившейся на русском в 1930, Древе отдавал предпочтение иной этимологии слова «нацер» (еще один вариант — «ноцер») — «страж», «пастух», присоединяясь к мнению британского историка библии Уильяма Смита о том, что еще до нашей эры среди евреев существовала секта назореев, или назарян, почитавших культового бога Иисуса (Иошуа, Иешуа) «га-ноцри», то есть «Иисуса-хранителя». В архиве писателя сохранились и выписки из книги английского историка и богослова епископа Ф.В. Фаррара «Жизнь Иисуса Христа» (1873). Если Древе и другие историки мифологической школы стремились доказать, что прозвище Иисуса Назарей (Га-Ноцри) не носит географического характера и никак не связано с городом Назаретом, который, по их мнению, еще не существовал в евангельские времена, то Фаррар, один из наиболее видных адептов исторической школы, отстаивал традиционную этимологию. Из его книги Булгаков узнал, что упоминаемое в Талмуде одно из имен Христа — Га-Ноцри означает Назарянин. Древнееврейское «Иешуа» Фаррар переводил несколько иначе, чем Древе, — «чье спасение есть Иегова». С Назаретом английский историк связывал город Эн-Сарид, который упоминал и Булгаков, заставляя Пилата во сне видеть «нищего из Эн-Сарида». Во время же допроса прокуратором Иешуа в качестве места рождения бродячего философа фигурировал город Гамала, упоминавшийся в книге французского писателя А. Барбюса «Иисус против Христа». Выписки из этой работы, вышедшей в СССР в 1928, также сохранились в булгаковском архиве. Поскольку существовали различные, противоречившие друг другу этимологии слов «Иешуа» и «Га-Ноцри», Булгаков не стал как-либо раскрывать значение этих имен в тексте «Мастера и Маргариты». Из-за незавершенности романа писатель так и не остановил свой окончательный выбор на одном из двух возможных мест рождения Иешуа.

В портрете Иешуа Булгаков учел следующее сообщение Фаррара:

«Церковь первых веков христианства, будучи знакома с изящной формой, в которую гений языческой культуры воплощал свои представления о юных богах Олимпа, но, сознавая также роковую испорченность в ней чувственного изображения, по-видимому с особенной настойчивостью старалась освободиться от этого боготворения телесных качеств и принимала за идеал Исаино изображение пораженного и униженного страдальца или восторженное описание Давидом презренного и поносимого людьми человека (Исх., ЛIII, 4; Пс., XXI, 7, 8, 16, 18). Красота Его, говорит Климент Александрийский, была в его душе, по внешности же Он был худ. Иустин Философ описывает его как человека без красоты, без славы, без чести. Тело Его, говорит Ориген, было мало, худо сложено и неблагообразно. “Его тело, — говорит Тертуллиан, — не имело человеческой красоты, тем менее небесного великолепия”».

Английский историк приводит также мнение греческого философа II в. Цельса, который сделал предание о простоте и неблагообразии Христа основанием для отрицания Его божественного происхождения. Вместе с тем, Фаррар опроверг основанное на ошибке латинского перевода Библии — Вульгаты — утверждение, что Христос, исцеливший многих от проказы, сам был прокаженным. Автор «Мастера и Маргариты» счел ранние свидетельства о внешности Христа достоверными, и сделал своего Иешуа худым и невзрачным со следами физического насилия на лице: представший перед Понтием

Пилатом человек «был одет в старенький и разорванный голубой хитон. Голова его была прикрыта белой повязкой с ремешком вокруг лба, а руки связаны за спиной. Под левым глазом у человека был большой синяк, в углу рта — ссадина с запекшийся кровью. Приведенный с тревожным любопытством глядел на прокуратора». Булгаков, в отличие от Фаррара, всячески подчеркивает, что Иешуа — человек, а не Бог, поэтому он и наделен самой неблагообразной, не запоминающейся внешностью. Английский же историк был убежден, что Христос «не мог быть в своей внешности без личного величия пророка и первосвященника». Автор «Мастера и Маргариты» учел слова Фаррара о том, что до допроса у прокуратора Иисуса Христа дважды били. В одном из вариантов редакции 1929 Иешуа прямо просил Пилата: «Только ты не бей меня сильно, а то меня уже два раза били сегодня...» После побоев, а тем более во время казни внешность Иисуса никак не могла содержать признаков величия, присущего пророку. На кресте у Иешуа в облике проступают довольно уродливые черты: «...Открылось лицо повешенного, распухшее от укусов, с заплывшими глазами, неузнаваемое лицо», а «глаза его, обычно ясные, теперь были мутноваты». Внешнее неблагообразие Иешуа контрастирует с красотой его души и чистой его идеи о торжестве правды и добрых людей (а злых людей, по его убеждению, нет на свете), подобно тому как, по словам христианского теолога II–III вв. Климента Александрийского, духовная красота Христа противостоит его ординарной внешности.